

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая.</i> ПОПУГАЙ	5
Кристаллы	7
Нить	28
Снегопад	63
Попугай	98
Оставшийся свет	134
Деревья	153
 <i>Часть вторая.</i> НОЧЬ	185
Я не прощаюсь	187
Тени	212
Ветер	223
Тишина	247
Спуск	271
Под покровом моря	304
 <i>Часть третья.</i> ИСКРЫ	323
Послесловие	350

Часть первая

Попугай

Кристаллы

С неба моросью валил снег.

С равнины, где я стояла, виднелись невысокие горы, с хребта которых в мою сторону линейкой выстроились тысячи вколотых в землю чёрных брёвен. Своей разнообразной высотой они напоминали сборище людей разных возрастов, а толщиной были не больше шпалы. Но формой они от шпал отличались: кривоваты, несколько согнуты — словно перед тобой тысячи взрослых и детей с поникшими плечами упёрлись взглядами друг в друга.

«Это здесь кладбище?» — подумала я про себя.

«Может, эти брёвна заменяют надгробные камни?»

Я решила пройтись меж могильных холмов, спрятавшихся за чёрными брёвнами, на спилённые верхушки которых падали снежинки, напоминавшие кристалловидную соль. Но кое-что вынудило меня остановиться — под кроссовками начала хлюпать вода. «Странно», — подумала я, приметив, что вода была мне уже по пятки. Я оглянулась и не могла поверить своим гла-

зам: на другом конце поля раскинулось море. Еще несколько мгновений назад на его месте мне виделся лишь обычный горизонт. Значит, прилив?

— Но зачем тогда они копали здесь могилы? — вопрос невольно вырвался вслух.

Тем временем вода поднималась выше. Неужели это происходило каждый день? Так ведь от этих могил, кроме холмов, тогда ничего и не осталось, скорее всего, — все кости, должно быть, смыло в море!

Думать времени не было. Останки, что уже ушли под воду, не спасти, нужно переместить те, что были повыше. Прямо сейчас, пока вода ещё не добралась до них. Но как? У меня ведь даже лопаты нет... К тому же их слишком много. «К чёрту». Я ринулась вверх, мимо брёвен, преодолевая воду, которая была мне уже по колено.

Когда я открыла глаза, солнце ещё не взошло. Выглянув в окно из своей тёмной комнаты, я не увидела ни снежного поля, ни чёрных брёвен, ни моря — я снова закрыла глаза. Осознав, что мне опять приснился сон о том городе, я прикрыла глаза холодными ладонями и продолжала лежать.

작별하기 않는다

Я не прощаюсь

Этот сон приснился мне летом 2014 года, спустя два месяца после того, как я опубликовала книгу об убийстве в том городе. За все четыре года, пока мне снился этот сон, я ни разу не сомневалась в его смысле. И только прошлым летом я впервые задумалась о том, что, возможно, он повествовал не только о том городе: моя интерпретация была слишком спешной, прямой и простой.

Двадцатый день подряд стояла невыносимая жара. Я, не изменяя традициям, пыталась уснуть в гостиной под сломанным кондиционером. Бесконечные попытки принять холодный душ не помогали — даже лёжа на полу моё тело отказывалось остывать. Где-то в пятом часу утра я почувствовала, что температура немного спала — спасение, не иначе, ведь до восхода солнца оставалось чуть менее получаса. Показалось, что я наконец смогу немного поспать. Я даже почувствовала, что уже засыпаю. Но в эту тонкую брешь между сном и бодрствованием под веки мне снова пробрался знакомый равнинный пейзаж. Густо валивший и накрывающий тысячи чёрных брёвен снег, напоминавший соль, белые горочки на срезанных верхушках — всё казалось реальностью.

У меня начался мандраж. Почему? Не знаю. Ощущение было, что я сейчас разрыдаюсь, но слёзы так и не выступили на глазах. Это был... страх? Или тревога? Или просто боль? Нет, это было похоже на пробуждение в холодном поту. Словно невидимый нож гигантской величины — такой, что поднять человеку не под силу — зависал в воздухе, нацелившись лезвием на меня. А я будто бы просто лёжа паялилась на него.

Только тогда я задумалась о том, что, возможно, то нахлынувшее на погребённые под могильными холмами кости море не имело связи с убийством тех людей и последствиями. Возможно, это было каким-то предсказанием? Может, эти чёрные брёвна и тонущие в воде могилы предвещали моё будущее?

Будущее, которое наступило?

Между ночью, когда мне впервые приснился тот сон, и тем разом, когда я осознала его смысл, был разрыв в четыре года — за это время некоторые люди перестали быть частью моей жизни. Конечно, с кем-то из них я рассталась по своей воле, но с кем-то... Я бы отдала всё что угодно, лишь бы вернуть их назад. В некоторых древних религиях говорится об огромном зеркале, которое бдит за

작별하기 않는다

Я не прощаюсь

каждым движением каждого человека и запечатлевает его жизнь. Если бы когда-нибудь я столкнулась с таким за те четыре года, в отражении я бы увидела какую-нибудь улитку без раковины, ползущую по лезвию ножа. Эта улитка хотела жить, но в её тело глубоко проникало лезвие ножа. Она то обнимала, то вырывала, то подвисала, то стояла на коленях, молила, и из неё вечно что-то сочилось — то ли гной, то ли кровь, то ли слёзы.

Кульминация наступила, когда поздней весной я переехала в квартиру многоэтажного дома коридорного типа* на окраине Сеула. Я не могла поверить, что мне больше не нужно ни работать, ни присматривать за семьёй, ведь долгое время две этих вещи занимали всю мою жизнь. Естественно, на письмо у меня не хватало времени, поэтому я втайне мечтала дожить до тех пор, когда я стану свободной. Однако заполучив свободу, я обнаружила, что пламя моих амбиций уже погасло.

После того как я забрала к себе домой свои вещи из центра по переезду, я в основном просто ле-

* Распространённый в Южной Корее в двадцатом веке тип многоэтажных домов, где весь этаж проходит вдоль наружного коридора, выходящего на улицу, все квартиры выходят к нему.

жала на кровати, почти не спала, ничего не готовила, порог входной двери не переступала. Так продолжалось до июля. Я питалась одной водой, солёной капустой и рисом, пользуясь доставкой. А если пищевод схватывал спазм, сопровождавшийся мигренью, после еды меня рвало. В одну из ночей я написала завещание. «Хочу попросить вас о паре вещей», — так оно начиналось. Далее я вкратце описала, где именно среди книжных полок можно было найти мою банковскую книжку, страховку и договор об аренде; куда бы я хотела потратить свои последние деньги и кому бы я хотела их оставить. Однако завещание было некому адресовать, потому что я не была уверена, кого можно было бы побеспокоить по этому поводу. Хотя я и добавила пару предложений о том, что буду очень благодарна тому, кто этим займется, и пояснила, чем могу за эту услугу отплатить, но в конце концов написать имени получателя я не смогла.

Я не могла ни уснуть, ни встать с кровати, но чувство ответственности за того самого неизвестного получателя вынудило меня подняться. Я начала обдумывать, что именно нужно будет поручить этому человеку, и пыталась вспомнить людей, которым можно это доверить, параллельно прибираясь дома. Нужно было выбросить с кухни скопившиеся пластиковые бутылки из-

작별하기 않는다

Я не прощаюсь

под воды, убрать разбросанную одежду и одеяла, которые уже мозолили глаза, и все блокноты с дневниками. Впервые за два месяца я собрала два пакета мусора, надела кроссовки и распахнула дверь из квартиры. Полуденное солнце непривычно ярко освещало коридор, он показался незнакомым. Спустившись на лифте, я прошла мимо консьержа, пересекла двор. Меня накрыло чувство, словно я упускаю что-то важное: передо мной распахнулся мир живых людей — погода, влага в воздухе, притяжение Земли.

Вернувшись домой, я вместо того чтобы собрать скопившийся в гостиной мусор, пошла в ванную. Я не стала снимать одежду, включила горячий душ и села под него. Я вспомнила, каково это — чувствовать: своими съёжившимися стопами я осязала плитку, вдыхала удушающий пар, ощущала прилипшую к спине хлопковую футболку, накрывшие глаза волосы и воду, льющуюся с подбородка на живот и грудь.

Выйдя из ванной и сняв промокшую одежду, в куче барахла я постаралась найти что-то сносное для выхода на улицу, положила в карман две скомканные десятитысячные купюры и вышла в коридор. Я решила пройтись пешком до забегаловки,

где подавали чук*. Располагалась она рядом с ближайшей станцией электрички. Там я заказала самый мягкий на вид чатчук**. Было до жути горячо, я ела неспеша, приглядываясь к проходящим за стеклянной дверью людям — они казались столь хрупкими, словно вот-вот разобьются вдребезги. Это было чёткое ощущение мимолётности жизни. Как же легко и просто она может оборваться — все наши кости, органы, плоть ужасно уязвимы — стоит лишь сделать один шаг.

Смерть.

Она пронеслась мимо меня, как астероид — все думали, что он врежется в Землю, но учёные ошиблись подсчётами на пару градусов, и он непоколебимо продолжил свой полёт со скоростью света.

Гармонии с жизнью я не обрела, но нужно было двигаться дальше.

Я поняла, что за свои почти два месяца отшельничества я практически довела себя до истощения, многие мои мышцы атрофировались. Для

* Корейская каша, обычно из риса.

** Жидкая каша, сваренная из размоченного в воде риса с добавлением молотого кедрового ореха.